

Казачій Союз

№ 18

BULLETIN DE L'UNION DES COSAQUES
ОРГАН ЦЕНТРАЛЬНОГО ПРАВЛЕНІЯ КАЗАЧЬОГО СОЮЗА
EDITION DU COMITE CENTRAL D'UNION DES COSAQUES (arr. du Ministre de l'Int. J. O. No 276 — 1949).

1953

PARIS
1 OCTOBRE

Адрес редакції и казначея Казачьяго Союза:
Mr N. N. Evséeff, 116, rue Vaillant Couturier, Nanterre (Seine).
ГОД ИЗДАНИЯ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ПАРИЖ
1 ОКТАБРЯ

С КАЗАЧЬИМ ПРАЗДНИКОМ ПОКРОВА

Казачій Союз, Донское Войсковое, Кубанское и Терскія Объединенія, Калмыцкій Союз и Общеказачья касса взаимопомощи поздравляют родное казачество со стародавним казачьим праздником Покрова Пресвятыя Богородицы. Да сохранит Владычица свое, разсѣянное по всему свѣту, казачество и приведет его в родные края.

Астраханцы поздравляют родных братьев донцов, кубанцев и терцев с их войсковыми праздниками Покрова.

Астраханскій Войсковой Атаман
полковник **Г. Астахов**

По случаю праздника Покрова Пресвятыя Богородицы в Кафедральном Соборѣ на рю Дарю в воскресенье, 8-го октября, послѣ литургии будет отслужен молебен с провозглашеніем вѣчной памяти всем покойным атаманам, казакам и казачкам всех казачьих войск.

Традиционная братская трапеза послѣ молебна состоится в залах Le Cadet (17, rue Cadet, métro: Cadet); стоимость 550 франков (три блюда, вино и услуги). Общедоступный буфет.

Крайне необходима предварительная запись на трапезу у председателей объ-

ДЕТАЛЬ ИКОНЫ
ПОКРОВА ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ,
сооруженной Казачьим Союзом в память
вынужденнаго пребывания Казачества на чуж-
бинѣ и хранящейся в Каф. соборѣ в Парижѣ.

Уральская станица поздравляет родных донцов, кубанцев и терцев с их войсковыми праздниками.

Атаман станицы
Л. Масянов

единений, о том же у Ф. И. Агѣева (8, rue Thiphaine, Paris-15e); В. Е. Долгова (44, rue Tiquetonne, Paris-2e), и В. С. Донскова (87-ter, Bd de la République, Boulogne-Billancourt).

Приглашаются казаки и казачки всех войск и друзья казачества.

Наканунѣ, в субботу, 17-го октября, в 15 час. на могилѣ Донского Атамана генерала А. П. Богаевского, будет отслужена общеказачья панихида с молитвенным обходом казачьих могил кладбища в Ste Geneviève-des-Bois (автобус с Place Dennfert-Rochereau отходит в 14 часов).

МОРСКІЕ ПОХОДЫ КАЗАКОВ

(ОКОНЧАНІЕ)

Третьим случаем морского боя являлось положеніе, когда турецкій флот бывал лишен свободы маневра: при отсутствіи вѣтра, или бывал застигнут казаками в порту, или бухтѣ. Тогда они нападали, не скрываясь, но стараясь подойти к кораблям с той стороны, с которой можно было избѣжать пушечнаго обстрѣла. Казаки с успѣхом пользовались своими преимуществами: подвижностью и независимостью от вѣтра в таких положеніях. Так, в 1605 г. они сожгли турецкій флот в Варнѣ, а в 1616 г. уничтожили под Трапезондом эскадру из 26 судов.

Иногда казаки пользовались для походов захваченными турецкими кораблями, но такие случаи бывали довольно рѣдки. Пользованіе глубоко сидящими судами на рѣках не всегда было возможно, их было трудно провести при возвращеніи мимо Азова или Очакова, а своего порта на морѣ казаки не имѣли.

Купеческіе же корабли захватывались без всяких мѣр предосторожности. Часто они устраивали «пересѣд», т. е. засаду около какого-нибудь турецкаго морского города (около Азова в устьях Дона, или около Кафы в Крыму), перехватывали суда, идущія с товарами в эти города или из них.

Послѣдним, пожалуй, самым трудным, этапом морских походов было возвращеніе. Турки, уже знавшіе о походѣ в морѣ и о нападеніях казаков, принимали соответствующія мѣры, ставя свои суда в устьях Дона или Днѣпра и устраивая засады на берегу. Перехватить возвращавшихся казаков было особенно заманчиво, ибо можно было захватить богатую добычу — отбить, захваченное казаками во время поиска имущество. Для казаков, пльвших из Чернаго моря на Дон, была опасность попасть в засаду не только в устьях Дона, но и в Керченском проливѣ.

Как для выхода в море, так и для возвращенія казаки пользовались тѣми же маршрутами и приѣмами, комбинируя их в зависимости от обстановки. Они или старались незамѣтно, пользуясь ночной темнотой, проскользнуть мимо турецких укрѣпленій, или обходили их вдалекѣ по мелким протокам, гдѣ нужно, перетаскивая свои «чайки» по землѣ волоком, или же просто, высадившись гдѣ-нибудь на берег затапливали струги и возвращались домой сухопутным путем. Запорожцы вмѣсто того чтобы идти на Днѣпр часто высаживались на Дону, а оттуда степью шли в Запорожье. Иногда казаки вмѣсто того, чтобы подыматься по Дону, подымались по Міусу.

Разбирая тактику казаков во время морских походов, можно отмѣтить слѣдующія особенности:

Казаки умѣли использовать свое неожиданное появленіе как в чисто морском бою, так и в нападеніях десанта. Высадка на берегу в нѣкотором разстояніи от мѣста нападенія, неожиданная атака с берега, подход на морѣ к турецким кораблям со стороны солнца, имѣя его за

спиной, ночныя атаки имѣли одну и ту же цѣль — увеличеніе элемента неожиданности. Все это позволяло напасть на турок врасплох, не дав им подготовиться к оборонѣ.

По мѣрѣ возможности казаки старались использовать с наибольшей выгодой всѣ качества своих небольших стругов. Меньшая зависимость от вѣтра, увертливость (лодки имѣли по два руля: на носу и на кормѣ), большая проходимость по сравненію с глубокосидящими кораблями, все это позволяло в извѣстной степени сохранить свободу маневра.

Небольшой размѣр «чаек», лишь на немного возвышающихся над уровнем моря, дѣлали их мало замѣтными, что позволяло казакам подойти к кораблям на близкое разстояніе, без того, чтобы турки поднимали тревогу.

Морскіе походы казаков сопровождались большими потерями в людях — часто с поиска возвращалась половина его участников.

Первой опасностью были хрупкость и малый размѣр стругов. Несмотря на принимаемыя предохранительныя мѣры (обшивка лодок связками камыша), они не отличались устойчивостью и прочностью, и малѣйшее волненіе в открытом морѣ грозило им гибелью. Иногда поднявшійся вѣтер разгонял «чайки», а нѣкоторыя из них разбивались об скалистые берега. Грозила гибель и от недостатка продовольствія или питьевой воды. Да и само передвиженіе на веслах требовало большого и утомительнаго физическаго напряженія. Во время ночнаго плаванія отдѣльному стругу было легко потерять казачью флотилію, и тогда гибель его была почти неминуема.

Много казаков погибало в бою, особенно, если встрѣча с противником происходила в открытом морѣ, в невыгодных для них положеніи или когда при возвращеніи казаки попадали в засаду.

Не малое количество казаков попадало в плѣн. Да это было понятно при тѣх условіях, в которых совершались походы. Плѣн этот нельзя разсматривать, как отсутствіе доблести или незнаніе мореходнаго дѣла, вѣрнѣе, это было неизбежное слѣдствіе неблагоприятно сложившихся обстоятельств: неудавшійся морской бой, при превосходствѣ противника, как в численном отношеніи, так и в вооруженіи, неблагоприятныя метеорологическія условія. Часто буря разгоняла на морѣ казачьи струги, часть из них погибала, другая же бывала выброшена на непріятельскій берег — в этом случаѣ плѣн был неизбежен. Многие из плѣнных казаков послѣ невѣроятных приключеній, иногда через 20-30 лѣт плѣна и скитаній, пробирались на родную землю. Так как за казаков, за исключеніем очень рѣдких случаев, турки не могли получить хорошаго выкуп, то большинство плѣнных казаков попадало гребцами на «каторги» гребных военных суда, а природная наблюдательность казаков способствовала тому, что возвратившіеся из плѣна приносили домой весьма цѣнныя познанія и

опыт в военном и морском дѣлѣ, а также знаніе обычаев и привычек противника. Случалось, что если на кораблѣ находилось гребцами много казаков, то они стоворившись между собой, уничтожали команду и таким образом освобождались из плѣна.

Донскіе казаки и запорожцы часто объединялись для совмѣстных походов и тогда туго приходилось Великой Портѣ.

В 1615 г. 80 казачьих «чаек» подходят к самому Царьграду, и на глазах у султана сжигают предмѣстья турецкой столицы. Послѣ ухода казаков, высланная за ними турецкая эскадра, была уничтожена, а турецкій адмирал попал в плѣн. Та же исторія повторяется в 1617 г., а в 1624 и 1625 г.г. соединенныя силы донцов и запорожцев 5 раз громят окрестности Царьграда. В 1627 г. казаки снова там же, нагоняют страх на жителей Константинополя. Размѣры этой замѣтки не позволяют остановиться подробнѣе на описаніи даже наиболѣе интересных морских казачьих походов. Укажем лишь, что не только запорожцы и донцы предпринимают морскіе поиски: для этой цѣли приходят на Дон казаки с Волги и Терека.

Казачьи «чайки» плавают не только в Азовском и Черном морях, но и на Хвалынском. В 1672 г. казаки захватывают там корабль англійских купцов, направившихся в Персію. Всѣм извѣстна боевая дѣятельность Степана Разина на Каспійи и погром персидскаго флота в 1669 году.

Успѣх таких рискованных предпріятій, каковыми были всѣ эти морскіе походы, был возможен лишь при наличіи идеальнаго боевого матеріала, каковым было казачество того времени. Храбрость, находчивость, смѣлость, граничившая с дерзостью, умѣніе приспособляться к обстоятельствам, умѣлое использованіе слабых сторон противника, и, наконец, особенности казачьей тактики — облегчали достиженіе успѣха.

Среди походнаго войска всегда находилось достаточное количество людей, которые, будучи на положеніи простых бойцов, в случаѣ надобности могли быть начальниками, или цѣнными помощниками руководителя. Поэтому при гибели походнаго атамана, или если эскадра раздѣлялась — предпріятіе продолжалось своим чередом, без того, чтобы переѣм на начальника отразилась на дальнѣйшем ходѣ событій.

Сознаніе нравственнаго превосходства, увѣренность в правотѣ своего дѣла (нападенія на басурман считалось богоугодным дѣлом), часто порождало у казаков безпечность, что иногда являлось причиной гибели казачьих отрядов.

Но нарвавшись на превосходящія силы и рѣшив принять бой, казаки выставляли удивительную стойкость, выносливость и способность вести бой до полнаго истощенія сил, в полном смыслѣ слова, до послѣдняго челоуѣка. Такими примѣрами полна казачья исторія.

Б. Богаевскій.

Уральцы на охранѣ Китайско-Восточной Ж. Д.

(ОКОНЧАНИЕ).

Начальник охраны Южной линии на Порт-Артур был полковник Мищенко. Как-то поздней осенью он приѣхал в Харбин по дѣлам службы и явился Главному Начальнику. По окончаніи служебныхъ разговоровъ полковникъ Гернгросъ пригласилъ полковника Мищенко к себѣ на завтракъ. Натура у полковника Гернгроса была широкая, любилъ загулять и на этотъ разъ разгулялся, какъ Морской Царь. После завтрака онъ рѣшилъ устроить пикникъ на берегу Сунгари, на такъ называемой пристани, гдѣ теперь выросъ китайскій городъ Фудядзянъ.

Полковникъ Гернгросъ с полковникомъ Мищенко и другими своими гостями отправились верхами в сопровожденіи конвоя, хора трубачей и Уральской сотни. Предполагалось устроить рыбалку. А кто же спеціалисты, какъ не уральцы.

Захватили вина и закусокъ, и с музыкой и пѣснями двинулись на Пристань. Всѣ были довольны, ибо и казакамъ чарка перепадетъ, да и порыбачить уральцы рады.

Тамъ расположились на берегу, развели костеръ и приступили к дѣлу: выпивать и закусывать. Рыбалка оказалась не возможной. Было очень холодно и по рѣкѣ шло уже сало (ледяная каша, предшественница скорого ледохода и ледостава). Казаки были одѣты уже в полушубки.

Ясно было видно, что полковнику Мищенко не нравится все происходящее, но онъ былъ вынужденъ терпѣть, будучи гостемъ Гернгроса.

Конечно, полковника Гернгроса настроеніе было повышено и, видя не весьма сочувственное к его пикнику отношеніе полковника Мищенко, онъ внутренне раздражался. Его, что называется, чортъ подмывал. Онъ выдумывалъ и выкомаривалъ всякія шуточки и затѣи озорного характера. Наконецъ онъ нашелъ настоящее, чтобы покрѣпче досадить полковнику Мищенко.

— «А вотъ что, друзья, — воскликнулъ вдругъ полковникъ Гернгросъ. — Не прокатится ли намъ по Сунгари на пароходѣ!».

Молодежь радостно поддержала:

«Такъ точно, г. полковникъ. Это идея!».

Всѣ с шумомъ и смѣхомъ двинулись на пароходъ. Лошадей оставили сбатованными на мѣстѣ привала под охраной, а всѣ остальные казаки с винтовками и шашками отправились на пароходъ и заполнили всю верхнюю палубу.

Хоръ трубачей гремитъ и Гернгросъ со своими гостями в свою очередь поднялся на пароходъ.

Полковникъ Мищенко стоитъ угрюмый и недовольный. А полковника Гернгроса чортъ толкаетъ на схватку с нимъ.

Капитанъ парохода смущенъ необычностью порядковъ на его пароходѣ, но Гернгросъ быстро ставитъ его в ясное положеніе объявленіемъ, что и онъ, и пароходъ находятся в его, полковника Гернгроса распоряженіи и что онъ, Гернгросъ является его главнымъ командиромъ.

— «Ну-ка, капитанъ», началъ полковникъ Гернгросъ распоряжаться. «Отчаливай, братъ, и валий на середину рѣки, внизъ по матушкѣ по Сунгарѣ».

Пароходъ отчалилъ и его огромное греб-

ное колесо, расположенное за кормой, запынило с шумомъ воду своими лопастьми. Пароходъ развилъ скорость хода и вышелъ на середину рѣки.

«Такъ держать», крикнулъ Гернгросъ, изображая капитана и тотчасъ же обратился к нахмуренному полковнику Мищенко:

— А что, Павелъ Ивановичъ! Кто из насъ с тобой храбрѣе? — вдругъ заговорилъ на ты полковникъ Гернгросъ, хотя онъ никогда на ты с П. И. Мищенко не былъ.

— Ну, безъ сомнѣній вы храбрѣе меня, Александръ Алексѣевичъ, попытался уклониться полковникъ Мищенко.

— «И я такъ думаю», сказалъ с хмельнымъ задоромъ Гернгросъ. «И я тебѣ, дорогой Павелъ Ивановичъ, это сейчасъ докажу».

Казаки, стоявшіе тѣсной гурьбой на палубѣ, тѣснясь около своихъ начальниковъ, слушали с восторгомъ рѣчи и шуточки полковника Гернгроса. Казаки его обожали за его молодечество, за пьяные дебоши, за доброту и особенно, очевидно, за его широкую таровитость во время кутежей. Молодымъ офицеромъ онъ былъ ординарцемъ у генерала Скобелева и былъ в то время награжденъ орденомъ Святого Георгія 4 степени.

С этими словами полковникъ Гернгросъ двинулся к правому борту парохода в толпу казаковъ. Уральцы, тѣснясь, давали дорогу своему «Янгрошу», образовавъ узкую улочку. Спиной к борту в полушубкахъ, при винтовкахъ и шашкахъ прижалась шеренга уральцевъ.

Гернгросъ обратился к одному изъ бородачей: «Любишь ли ты меня, казачина?»

— Такъ точно, выше высокоблагородіе, рявкнулъ казакъ.

И вдругъ неожиданно Гернгросъ крикнулъ ему: «Пошелъ в воду!»

Уралецъ не задумавшись, какъ былъ во всей своей казачьей боевой снасти и в полушубкѣ, даже не повернувшись лицомъ к водѣ, опрокинулся черезъ бортъ навзничъ и плюхнулъ в рѣку.

Мищенко похолодѣлъ от ужаса за казака, котораго несомнѣнно подтянуло под пароходъ и онъ сейчасъ попадетъ в огромное, грохочущее сзади парохода, колесо.

Кровь бросилась ему в голову и онъ пустился бѣжать вдоль борта и увидѣвъ привязанную сбоку парохода лодку, перемахнулъ черезъ бортъ и упалъ в нее, думая помочь погибающему.

Полковникъ Мищенко жестоко разбилъ себѣ при паденіи ноги и хорошо, что не угадалъ в воду.

А казакъ в это время спокойно по саженкамъ уходилъ от парохода к берегу. Остановили пароходъ и с трудомъ подняли полковника Мищенко на палубу.

Гернгросъ не унимался: «Что, говоритъ, Павелъ Ивановичъ, испугался? А я, братъ, не испугался. Я, братъ, своихъ молодыхъ знаю». И повернувшись столь же внезапно к кому-то изъ уральцевъ, онъ вновь крикнулъ: «Ступай в воду!»

Столь же стремительно и это приказаніе было исполнено и второй казакъ по ледяной рѣкѣ, в тяжелой одеждѣ и с оружі-

емъ поплылъ, какъ плавалъ лѣтомъ на рыбалкѣ на своемъ родномъ Яикѣ.

Все кончилось благополучно. Никто не утонулъ и «не озябъ»; всѣ хорошо покутили, закусили и выпили, а Павелъ Ивановичъ заявилъ полковнику Гернгросу: «Можетъ быть вы, Александръ Алексѣевичъ, и отчаяннѣе меня; а вотъ уральцы, тѣ, такъ дѣйствительно храбрые. Экіе люди!»

●

Наконецъ, Охранная Стража, выполнивъ свою задачу, была замѣнена Заамурскимъ корпусомъ пограничной стражи и старья сотни казаковъ Охранной Стражи были отпущены с почетомъ и благодарностью по домамъ. Ушли обратно в свои части и почти всѣ офицеры.

Прошло нѣсколько лѣтъ и я находился на службѣ в С.-Петербурѣ.

В декабрѣ мѣсяцѣ 1906 года я получилъ неожиданное приглашеніе на завтракъ к полковнику Н. Н. Якимовскому, вернувшемуся в свой Л.-Гв. Павловскій полкъ.

Прихожу к указанному времени. Николай Николаевичъ встрѣчаетъ меня шикарно одѣтый, в сюртукѣ, в прихожей, оживленный и торжественный.

Из передней я вижу довольно много людей в дальней комнатѣ, но не отдаю себѣ отчета, кто они такіе.

Спрашиваю Николая Николаевича: «Что за торжество у тебя?»

— «А вотъ, подожди, — говоритъ. — Сейчасъ увидишь. Сюрпризъ».

Входимъ в столовую с радостнымъ Николаемъ Николаевичемъ и я вижу 7-10 человекъ, расчесанныхъ и одѣтыхъ в шегольскія темносинія татарки уральскихъ казаковъ из его «Уральской сотни».

Оказывается это делегаты Уральского войска, привезшіе по обычаю от войска «прежентъ» Государю Императору, а другой «прежентъ» бывшему Командиру уральцевъ в Манчжуріи Николаю Николаевичу Якимовскому. Презентъ состоялъ изъ лучшаго качества икры и балыковъ, добытыхъ изъ улововъ казаками на р. Уралѣ.

Сѣли за столъ и за чаркой водки, под уральскіе балыки и осетровую икорку Николай Николаевичъ и уральскіе казаки стали вспоминать тѣ сѣчи, гдѣ вмѣстѣ рубились они.

Кто же кромѣ уральцевъ могъ сдѣлать что-нибудь подобное и такъ красиво наградить вниманіемъ Войска солдатскаго чуждаго офицера за твердую службу командиромъ уральскихъ казаковъ?

Да никто!

И это не кто нибудь, не какой нибудь шуткарь придумалъ, а Войско порѣшило. А вѣдь что войско, когда рѣшало что нибудь, то не всегда это бывало и Государству даже пріятно.

Признавая дѣйствія Николая Николаевича въ бытность его Командиромъ Уральского войска доблестными и для Уральскаго войска полезно-почетными, порѣшили «пошылать прежентъ» с делегацией и Николаю Николаевичу Якимовскому.

Ну, развѣ не трогательна духовная фигура казака Славнаго Уральского Казачьяго войска, такъ закончившаго свои служебныя отношенія с Командиромъ, вмѣстѣ с нимъ много пережившимъ в далекой Манчжуріи.

Генералъ К. Н. Хагондоковъ

КОНЕЦЪ

Полвѣка назад

Как казаки избирали себѣ пастырей

Дома, в деревнѣ, Григорій жил, как и всѣ крестьяне живут: пахал, сѣял, за хозяйством глядѣл; и был хорошим мужиком. Но подошли неурожайные годы, и он вмѣстѣ с другими землячками пошел в зиму на Дон, — работы искать.

Потому что Григорій умѣл хорошо читать и хорошо писать и потому что в то самое время, как он пришел в хутор, казаки-старообрядцы нуждались именно в таком человѣкѣ, его наняли не в работники, а в уставщики. И служил Григорій на этой должности цѣлых десять лѣт. Людей всѣх узнал, со всѣми в дружбу вошел и с священником-старичком жил, как сын родной, тихо-мирно.

И пришло время, умер старенькій священник. Собрались казаки в церковь, стали судить рядить, как быть, кого в попы выбрать. И рѣшили всѣ Григорія просить.

Позвали его, стали говорить: — «Мы тебя, вот как, до тонкости знаем, — упрасивали казаки. И попривыкли к тебѣ дюжа. А ты нас и вовсе знаешь, нужду нашу насквозь видишь. Чего еще нужно нам? Вѣдь сколько лѣт живешь. Словно родной стал. Одно слово, свой человѣк...»

Григорій и раньше еще догадывался, что его станут в попы просить, но когда сказали ему об этом, он не знал, что дѣлать, что сказать. Ему и хотѣлось, и не хотѣлось священником быть. Как бы то ни было, дѣло новое, незнакомое — надо к нему привыкать, надо жизнь свою мѣнять. И стал Григорій отказываться.

— «Нѣтъ», — говорит, — «вы, старики, уж лучше и не просите меня. Какой из меня поп? Молод еще батюшкой быть, вольным пожить хочу. И рад бы, — говорит, — послужить вам в дѣлѣ этом, от всей души рад, только никак нельзя мнѣ, непохож я на священника. Мнѣ бы хозяйство вести, на это я горазд. Нѣтъ, Богом прошу, увольте, ищите еще кого-нибудь, а я и в уставщиках пригожусь вам, мнѣ и то довольно по силам мом...»

— «Кого же мы искать-то будем?» закричали голоса. «Кто согласится к нам? Приход наш, сам знаешь, какой, малый, бѣдный. Чужому и прожить нельзя, а ты наш. Вспомни, кто тебѣ помог тогда, кто тебя из мужиков в уставщики вывел!...»

— «Оно бы ничего», — сказал Григорій, — слов нѣтъ. В попы, так в попы, но боязно, вот что. Немалое это дѣло — священником называться. За всѣх вѣдь за вас отвѣт перед Богом придется дать... Нѣтъ, уж вы ослобоните меня, Христа ради!»

— «А ты не робѣй, Гриша!» — сказал старый казак Кузьма и по-привычкѣ расправил свои сѣдые усы. — «Ты не робѣй! Чего боязно? Мы под Карсом были и то живы вернулись».

Дѣд Кузьма был кавказскій служака и любил во всяком разговорѣ про войну вспомнить. Он поднял руку вверх, щелкнул пальцами и громко крикнул:

— «Раз, два, три — заряжай и пли!» Всѣ разсмѣялись. — «Мы за то и выби-

раем тебя», — заговорил чернявый рябой казак в мундирѣ. — «Мы за то и выбираем тебя, что ты человѣк дюжа хороший. Уважаешь всѣм, помогаешь, грубаго слова никто от тебя не слышал и пить — не пьешь. А чего тут страшнаго? Ум в тебѣ есть, как и быть должно. Писаніе лучше всѣх нас знаешь, газеты даже читаешь... Не отказывайся, кум! Чего уж там... Коли ежели, первый в ноги тебѣ поклонюсь, — на, вот!..»

И казак, дѣйствительно, нагнулся до самой земли, а за ним поклонились и всѣ.

Григорій был человѣк мягкій, жалостливый. Увидѣв, что ему кланяются, он не выдержал и заплакал. Сжалось у него мужицкое сердце.

— «Не надо, не надо, не кланяйтесь», — замахал он руками, отступая назад. — «Что это вы? Ну, хорошо, хорошо, согласен, только пустите меня, пойду дома повожусь...»

— «Не покинь нас, кум!» — раздавались отдѣльные голоса.

Впереди всѣх на колѣнях стоял кавказец Кузьма. Он поднял руки вверх и, хватая ими что-то, плакал навзрыд. Слезы ручьем лились из его заросших глаз...

Пришел Григорій домой и весь день ходил, словно больной. Только вечером позвал жену и сказал:

— «Вот, что, Марьюшка. Хочешь попадѣй быть? А? В попы меня зовут».

— «Я не... знаю, Гриша», — отвѣтила Марьюшка. — «Мнѣ стыдно как-то. Вдруг ни с того ни с сего и... матушка. Ха, ха, ха!» — разсмѣялась она, — «мать Марья, мать Марья, — ха-ха-ха! Как же ты-то тогда звать меня станешь?»

— «А ты не смѣйся», — сказал Григорій. — «Чего смѣешься, дура ты этакая? Надо серьезно об этом говорить, а зубы нечего скалнить».

— «Да я... ничего, я... не смѣюсь... Мнѣ, как хочешь...»

И всю ночь проговорили они, разсуждали все, как тогда жить станут, как родные удивятся, когда узнают. Вся деревня ахнет. «Гришка-то, Гришка-то, скажут, в попы махнул, ай, да, Гришка. Из мужиков и прямо в попы. Ну, и Григорій Михайлович!»...

Утром опять прислали за Григоріем и опять, как вчера, упрасивать стали. А когда он сказал, что согласен, мол, буду служить вам, поѣдемте, поднялся радостный шум.

— «Дорогой, ты наш, батюшка!» — завопила старуха одна и замолчала.

И весь народ смотрѣл на Григорья, как на священника. И никто не удивился тому, что старушка прежде архіерея назвала его батюшкой, прежде архіерея «посвятила» его в этот сан.

**

Епископ в то время не в самом городѣ жил, а в монастырѣ над хутором. Когда казаки пріѣхали к нему с своим избранником, он сказал, что про Григорья и раньше слышал и знает, что человѣк он

хорошій. Потом велѣл казакам ѣхать домой, а через двѣ недѣли опять пріѣзжать за своим новым священником. И старики уѣхали. А через три дня мужик Григорій был уже не просто Григоріем, а форменным батюшкой.

Все время до своего отъѣзда он жил в архіерейском домѣ. Учился, как службу править, как обѣдню служить, как кадилом кадить.

Один раз владыка позвал его в свою комнату, и зашла между ними рѣчь о казаках и крестьянах. Архіерей был казак, тоже кавказскій служака.

— «Ты, Григорій, всю правду говори мнѣ», — сказал он. — «Я только правду люблю. Ты вѣдь теперь духовный брат мой, и чин на тебѣ такой же, как и на мнѣ. Только и могу я против тебя людей в попы ставить, а все остальное, как ты, так и я...»

Когда Григорій рассказал архіерею всю свою жизнь, всѣ свои дѣла, всѣ мысли, он встал, подошел к нему и поцѣловал его.

— «Вижу я», — сказал владыка, — «что прямой ты человѣк, и нѣтъ в тебѣ ни единой лжи... Вот тебѣ еще испытаніе — возьми лѣстовку и клади сорок поклонных земных. Бог благословит, начинай!..»

Григорій посмотрѣл на лѣстовку, на архіерея и молча стал молиться. Пот так и лил с него. А когда поклоны кончились, епископ опять подошел к нему, взял его за руку и сказал.

— «Ты прости меня, Христа-ради, не гнѣвайся на старика. Это я не в наказаніе заставил тебя. У меня всѣ так, каждый поп по сорок кладет. Он молится, а я смотрю на него, думаю, разгадываю, что он за человѣк такой... Иной губы кусать начнет, будто засмѣяться, али обидѣться хочет. Спрашивает, за что, да почему, да чѣм провинился и все такое прочее. А иной так же вот, как и ты, со смиреніем и без ропота несет данную ему заповѣдь и в душѣ своей никакого зла не имѣет... То ли еще будет в жизни твоей, Григорій! Не скоро вѣдь кончится она, жизнь-то брeнная, — все увидишь: хорошаго и дурного...».

Послѣднія слова епископ говорил в каком-то странном волненіи. Потом он вдруг зашатался, покачнувшись вперед и, к удивленію Григорія, поклонился ему в ноги.

— «Я всѣм так, всѣм так», — чуть слышно прошептал владыка, тяжело подымаясь с земли. — «Я каждому так кланяюсь... Для того и живем мы на свѣтѣ, чтобы примѣром своим людей учить. Пусть он маленькій, незамѣтный... а ты и его не обидь... а ты и его приласкай, ободри, и его не гнушайся, и от него не отворачивайся... Тоже вѣдь образ Божій, такой же человѣк, брат твой... Он на тебя зло мыслит, а ты ему ласковое слово скажи, зло-то и выскочит, правду говорю. А гдѣ незлобіе, там и любовь, а гдѣ любовь, там и Бог!..».

Архіерей помолчал немного и сказал.

— «Вижу, сын мой, что будешь ты добрым пастырем, не наемником. Вижу глазами своими старческими, а глаза у старых людей далеко видят. Много я пережил, перевидал всего и знаю, у кого что на сердці есть. Другой в попы только затѣм и идет, чтобы батюшкой его называли, кланялись ему, сытно кормили... Думает, вся-то суть жизни в этом эжидется... Нѣтъ, Григорій, я не на то благословляю тебя. Ты на страданія иди, на борьбу с неправдою за вѣнцом Христовым иди, хоть и больно колочій он, вѣнец-от терновый, до крови саднит... Дѣти они твои теперь. Вот ты и смотри, береги их, сторожи, как бы кто не погиб, не утонул в морѣ житейском, как бы кто не отчаялся... Ты крест-от свой выше подымай. Не думай, что его на грудь только для красоты вѣшают... Ты не хвались им, как наградою или отличіем... Помни, Кого распяли на нем... Правду Божию распяли... А ты выше подымай его, чтобы всѣ видѣли, чтобы и тѣ, видѣли, кто в тѣмѣ ходит, кто опустился на дно, и, глядя на него, забывали бы невзгоды свои... А коли что, если не достанет силы в тебѣ, ко мнѣ гряди. Я — старшій брат твой, всегда совѣтом своим помогу тебѣ. Одному-то трудно на свѣтѣ жить, тяжело одному бороться с неправдою...».

Григорій все это слушал молча. Ничего подобнаго он не ожидал. Его так удивила простота епископа. Ему никогда и в мыслях не представлялось, чтобы архіерей, такое лицо, и в ноги попу кланялся, цѣловал его, называл братом своим... И опять, как тогда, сжалось у него сердце, и опять, как тогда заплакал он слезами радости.

— «Вмѣсто отца родного будь мнѣ, вмѣсто отца...» — всхлипывал он, закрывав свое широкое лицо.

За два дня до отъѣзда, Григорія опять позвали к епископу.

— «Ну, что, собираешься?» — спросил владыка. — «Поѣзжай, поѣзжай с Богом. Только помни, что я тогда говорил тебѣ. А ежели письмо какое вздумаешь, прямо ко мнѣ пиши: между нами епископами и священниками не должно быть никаких посредников. Откровенно все говори, не бойся... А призвал я тебя вот зачѣм, хочу рассказать тебѣ повѣсть одну... хорошая повѣсть, недавно прочитал ее. Садись вон там над печкой, а я огонек вздую. Не люблю темноты, окаянный»...

Владыка зажег лампочку, сѣл на кровать против Григорія и начал рассказ свой.

— Это было давно, давно... Жил на свѣтѣ старец один прозорливый. И пришли к нему раз два священника. Один, вот как ты, здоровый такой, плечистый. Одеженка на нем плохонькая, крестьянская, на ногах лаптишки обуты... А другой пониже, чистенькій, дряхленькій. Одежда бѣлая, сапоги новые — все с иголочки... ноготки розовые... Первый и говорит: «Отче, помолись за меня, ибо аз вельми грѣшен есть перед Очами Его. Никогда о себѣ не молюсь, поста не соблюдаю, правила не держу... только и дѣл моих перед Ним — все о людях хлопочу, говорю им, учу, помогаю... Имѣнія у меня никакого нет... Скажи,

старче, куда путь мой лежит — на спасеніе или на погибель?»

Подошел и другой священник, тоже стал каяться. «Я, говорит, авва, всѣ заповѣди исполняю и посты соблюдаю, и молюсь, часто даже ночью молюсь и правило, положенное нам іереям, не пропускаю... только одно сомнѣніе есть в душѣ моей — некогда мнѣ народ свой учить. Когда, когда прійдется побывать с ними, с людьми-то. И сомнѣніе это недавно запало в сердці мое. А прежде я так думал: Чего мнѣ о них беспокоиться? Каждый сам за себя отвѣчать будет. Пусть их, как знают, так и живут. Что попросят, сдѣлаю — окрещу, повѣнчаю, отпую... Всѣх не научишь... Вот что думал я раньше. А теперь пришел к тебѣ, Божій человек, открой мнѣ, куда лежит путь мой — на спасеніе или на погибель?»

Ничего не отвѣтил им старец прозорливый, велѣл только на другой день притти...

Пришли они на другой день, а пустыжник и говорит им: «Слушайте, дѣти мои, этою ношію видѣл я страшный сон... и вас обоих видѣл... Пришли вы будто бы к Богу на суд и пришли не одни, а со всѣми людьми своими, и сказали Ему то, что сказали мнѣ. И простил Он вас всѣх, послал в обитель свѣтлую. И выросли будто у вас крылья, и полетѣли вы... Только встрѣчается вам на дорогѣ рѣка. Огонь горит, смола кипит. И нельзя будто миновать ее, уж больно велика она. И полетѣли вы через рѣку эту самую. Ты (указал старец на перваго) сразу же опалил свои крылышки и падать стал, видно, грѣхи не пускали тебя. Падаешь, падаешь — прямо в огонь... Но не дали совсем упасть тебѣ. Кинулись всѣ люди, которых учил ты при жизни своей, кинулись и вынесли тебя. Их много, а ты один, и легко им было донести тебя, опаленнаго, на берег райскій... а там и путь кончился.

А ты (указал старец на втораго) не опалил крылья свои и летѣл выше всѣх. Но люди твои, которых не учил ты при жизни своей, один по одному стали падать в смолу горящую. И разгорѣлось пламя сильнѣе прежняго. Стал ты кидаться во всѣ стороны, стал пытаться спастись погибающих, да гдѣ уж, поздно. Нѣтъ там спасенія. И не под силу тебѣ одному спасти их. Хотѣл было ты улѣтѣть, но они, опаленные, не пустили тебя. И упал ты с ними в геену огненную»...

Так сказал прозорливец и ушел в келью свою.

— «Понял ли, Григорій, притчу сію? Сам видишь, как лучше. А дѣла много предстоит тебѣ. Народ все ниже падает... Развратников разных развелось безчисленное множество... Пьянство безпросыпное... Безвѣріе, безсиліе, самоубійства частыя... живут, словно скоты какіе, ни о чем духовном не думают. Деньгами дышат, и деньгами душат и убивают друг друга. Шпіонов всяких — и не перечеть. Да, тяжелое время досталось нам. Никто не хочет вспомнить дорогія слова — «не хлѣбом одним будет жить человек»... Не за тѣм мы живем, чтобы деньгу скопить, чтобы сытно поѣсть, чтобы больше поспать... Это звѣриная жизнь. Да, тяжелое время! И ты, Григорій, не на покой иди, на войну со злом иди. Не давай ему, злуду, людей твоих губить. А теперь, Бог благословит, поѣзжай домой и помни, что

не в том суть, как службу править, какую ризу надѣвать, как по церкви ходить, а в том, как на свѣтѣ с пользой для ближняго прожить. Вот в чем суть нашей жизни!».

И уѣхал Григорій домой.

Священник из него, дѣйствительно, вышел хороший, только не долго пришлось ему послужить с прежним епископом. Умер старый владыка, и все пошло по-новому, по-модному. Архіерей, которому поручили епархію, разослал всѣм попам строгую бумагу, чтобы никто — ни мірянин, ни священники не смѣли ничего писать прямо ему, а чтобы писали и посылали все чрез благочиннаго. Приказал также, чтобы люди выбирали себѣ попов не тѣх, кого им хочется, а тѣх, кого благочинный укажет и кого он, архіерей признает достойным. Много и другого ввел новый архіерей. И всѣм стало видно, что владыка хочет передѣлать все по-своему, как ему выгоднѣе. А так как архіерей этот жил в самом большом городѣ и имѣл самую большую епархію, то и другіе епископы, глядя на него, стали дѣлать то же, что и он. И загордился новый архіерей. Задумал взять в свои руки всю власть, а себя назвать самым высоким чином. А чтобы скорѣй добиться этого, он разными средствами стал выживать тѣх, кто шел против него. Собирал соборы, судил, разбирал, осуждал... И пошла через это новая жизнь... Модная, роскошная... Все заблестѣло золотом... Приѣдет епископ в приход и старается убранным своим внушить людям почтеніе к себѣ. А для того, чтобы угодить старикам, скажет проповѣдь о вредѣ бралобритія, о непочитаніи старших младшими, о власти епископа, о том, как должны бояться его, во всем слушаться... И не стало на свѣтѣ прежняго церковнаго духа, свободнаго, многообразнаго, сильнаго. Шаг за шагом скрывался он, перерождался в новыя формы, шел все дальше и дальше вперед по ложному пути, по торной дорожкѣ вслѣд за другими казенными религіями. И некому стало защищать свободных людей, некому вырывать их из желѣзных когтей грядущаго духовнаго самодержавія.

Гдѣ же вы, сильные?!

Л. Быстров.

(«Церковь» — старообрядческій еженедѣльник 1911 г.).

Столько раз об осени писали.
Столько их звучащих вѣрных строк
О любви, о нѣжности, печали
И о том, как жизни краток срок.

Столько раз писали о закатах,
О летящих в выси журавлях
Над стерней, полынным вѣтром, мятой!
В отдыхающих пустых полях.

И зачѣм опять пишу об этом,
В строки прошлое опять ловлю?
Под осенним сумрачным разсвѣтом
Всю я жизнь без удержу люблю.

Сердцем всем люблю своим казачьим
Непутевую сестру свою,
И она, как конница, маячит
В этом холодѣющем раю.

Николай Евсѣев.

Демократія

(КОНСПЕКТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СПРАВКИ КАЗАКА)

Очевидно таково вѣяніе эпохи...

В послѣднее время, почему-то, вдруг всѣм захотѣлось быть демократами. Оно, конечно, в этом еще ничего плохого нѣтъ, но вся бѣда в том, что демократическіе ярлыки зачастую не соответствуют ни духу, ни содержанию, ни дѣйствіям тѣх обществ, которыя прикрываются этой вывѣской. Отсюда неизбежное слѣдствіе: понятіе демократіи оказывается настолько истрепанным и извращенным, что невольно возникает вопрос подобный тому, с которым недавно обратился один казак: — «Что же оно такое, на самом дѣлѣ, демократія?»

Слово «демократія» взято из греческаго языка (демос — народ, кратія — управление) и в буквальном переводѣ на русскій означает: народоправство.

В древнія времена Греція являла собой классическій образец демократіи, в наиболѣе типичной ея формѣ в Афинах. Каждый свободный гражданин, достигнув совершеннолѣтія, имѣл право принимать активное участіе в обсужденіи общественных дѣл и мог быть избран на любую общественную должность. Суд производился всенародно. Таким образом, моментом опредѣляющим понятіе демократіи было участіе каждаго полноправнаго гражданина в управленіи, но отнюдь не его личная свобода, которая, к слову сказать, была очень ограничена. Власть государства над личностью и собственностью даже свободных граждан была весьма велика.

В средніе вѣка наиболѣе наглядно демократія была выявлена у славянских племен, гдѣ всѣ общественныя дѣла рѣшались на вѣчѣ. Вѣчевое устройство ярче всего выразилось и долѣе всего сохранилось в Новгородѣ, гдѣ демократическое начало в организациі государственной власти было проведено гораздо послѣдовательнѣе, чѣм в греческих демократіях, потому что невольничество и раздѣленіе сословій, хотя и существовали, но не играли такой роли, как в Греціи.

У германских племен демократическое начало было проведено слабѣе, а у племен, живущих еще западнѣе можно отмѣтить лишь робкій намек на демократію.

В современную эпоху осуществленіе демократических стремленій было начато французской революціей 1789 г., когда их носителницей было «третье сословіе» или буржуазія. Французская революція 1848 г., надѣлавшая немалый переполох во всей Европѣ, принесла с собой партійное представительство, которое с тѣх пор и становится общепринятым. Почти всѣ современные государства являются демократіями партійными.

Участіе граждан в управленіи государства сводится к голосованію за тот или иной партійный список, на этом их роль и кончается.

Избирательный закон имѣет доминирующее значеніе и здѣсь слѣдует отмѣтить, что не всегда избирательный закон бывает демократичным. Право имѣть своих представителей в законодательном кор-

пусѣ может принадлежать опредѣленным классам общества не пропорціонально числу голосующих, а в извѣстной, законом опредѣленной пропорціи; выставленіе кандидатур может быть ограничено имущественным цензом или партійной принадлежностью.

Но даже и там, гдѣ установлено всеобщее и равное голосованіе, избирательный закон может имѣть свои прихоти, непонятныя для лиц непосвященных в тайны политической кухни. Так, напримѣр, партія, стоящая на первом мѣстѣ по числу собранных голосов оказывается представленной в парламентѣ не соотвѣтственно ея удѣльному вѣсу и может быть даже устранена от участія в правительствѣ.

Современныя демократіи можно раздѣлить на три категоріи в зависимости от существующей системы партійнаго представительства: 1) многопартійныя, 2) двухпартійныя и 3) однопартійныя.

Многопартійная система принята большинством европейских государств.

Двухпартійная система характерна для Англии, гдѣ политическія силы концентрируются на двух противоположных полюсах в лицѣ «консервативной» и «рабочей» партій; попеременно одна из них является правящей, а другая оппозиціонной. Правда, кромѣ этих партій там существуют и другія, но вслѣдствіе своего малаго удѣльнаго вѣса они не играют никакой роли и являются в парламентѣ лишь побрякушками, без пользы и вреда.

В США, хотя и существуют двѣ партіи, положеніе другое. В чем различіе между двумя американскими партіями никто толком не знает, вряд ли и сами лидеры могут точно провести границу между ними. Кромѣ того, в самом противопоставленіи названій («республиканская» и «демократическая») скрыта величайшая бессмыслица: развѣ республиканец не является демократом и развѣ демократ отрицает республику? Правильнѣе было бы говорить об единой партіи, но имѣющей, как медаль, двѣ стороны; в таком случаѣ сѣв.-американская демократія может разцѣпываться, как переходная форма от двухпартійной системы к однопартійной.

Однопартійная демократія — продукт наших дней, к которому совершенно неожиданно приводит ход развитія демократіи во времени, выливаясь в форму, которая заставляет многих не только сомнѣваться в наличіи там демократическаго начала, но и отрицать его, что и заставляет разсматривать такую демократію, как ничѣм не прикрытую диктатуру, в голом ея видѣ (С.С.С.Р.).

Что это? Естественная эволюція демократіи или же ея вырожденіе?

Присущее демократіи свойство извращенія было отмѣчено еще в глубокой древности. Когда лица, партіи или классы, в результатѣ выборов оказавшіяся на вершинѣ власти, стараются эту власть закрѣпить за собой (обычно под благовидными предлогами, подтасовывая за-

кон) и начинают дѣйствовать по своекорыстным побужденіям, власть перестает дѣйствовать в общих интересах и правильныя формы правленія вырождаются в неправильныя — диктатуру, олигархію, плутократію*) и т. д.

Это обстоятельство, конечно, не могло оставаться долго в тѣни и еще Аристотель в его «Политикѣ», опредѣляя степень демократичности, классифицировал государства по двум признакам: — 1) субъекту власти и 2) направленію его дѣятельности. Оказывается, недемократичными могут быть и государства, в которых верховная власть установлена демократическим путем, если только направленіе их дѣятельности не соответствует общим интересам. И, наоборот, государство с властью установленной не путем демократических выборов (напр., монархія) может быть демократичным по роду его дѣятельности направленной на благо народа.

Само собою разумѣется, что идеалом демократіи является совпаденіе этих двух признаков. Но, увы — это только идеал! Истинной, не дающей основаній для упреков, демократіи в мірѣ еще не было. Всѣ, существовавшія раньше и существующія теперь, не лишены погрѣшностей и недостатков, а потому и не могут претендовать на совершенство. Разсматривая демократію в аспектѣ приближенія их к идеалу, можно говорить лишь о каком-то, относительном достиженіи совершенства и здѣсь неоспоримо, из ряда всѣх существовавших раньше и существующих теперь, рѣзко на первое мѣсто выдѣляется казачество, не только выявившее наиболѣе чистую и честную форму народоправства, но и осуществившее ее в жизни. В этом, быть может, и заключается общечеловѣческая цѣнность казачества, как идеи и историческаго явленія.

Эта цѣнность, полученная нами в наслѣдство от наших славных предков, обязывает нас — казаков, свято блюсти дѣдовскіе обычаи и традиціи, сохраняя их в чистотѣ, ибо всякое извращеніе — есть измѣна казачеству.

Н. С. Мельников-Разведенков.

*) Олигархія или олигократія (от греч. олиго — немногіе) — правленіе немногих, т. е. форма государственнаго устройства, в которой власть принадлежит немногим.

Плутократія (от греческаго плутос — богатство) — форма государственнаго управленія, при которой власть принадлежит богатому классу. Термин этот употребляемый в древности, примѣняется рѣдко, исключительно в смыслѣ осужденія. Чаше он употребляется по отношенію к государствам, гдѣ богатые классы, не имѣя формальных преимуществ, гарантированных законом, фактически пользуются преобладающим вліяніем на выборы и вообще на ход государственной жизни.

ОТ РЕДАКЦИИ:

В виду недостатка мѣста в настоящем номерѣ, продолженіе очерка «Казачья Воинская Сила» будет помѣщено в слѣдующем номерѣ.

Памяти генерала Эльмурзы Асланбековича Мистулова

Вся его жизнь горела ярким пламенем безкорыстной и искренней любви к ближнему, и в нем никогда не проглядывал даже слабой тенью эгоизм. У него была чуткая душа, доброе сердце, прекрасный характер и непосредственность. В нем не было ничего показного и он никогда не искал популярности: скромный и веселый, он держался с ласковым достоинством. Бывали случаи, когда он в 1915 г., командуя в Карпатах 2-м Сунженско-Владикавказским полком и объезжая зимой сторожевую линию, замечал юного хорунжого легко одетым, присылал ему свои теплые вещи, ссылаясь на то, что он ему не нужны. Этими предметами снабжал не только офицеров своего полка, но и других полков Терской дивизии.

Величавый и приветливый в обращении; любезный со всеми, он в каждом человеке уважал его личность и всегда щадил чужое самолюбие; но был спартански строг и требователен к самому себе. Он буквально не имел врагов и всюду являлся желанным гостем. Где бы ни появлялся Эльмурза, — на полковых ли, семейных ли вечерах, приятельских ли пирушках или в частных домах, — он везде был украшением, всюду вносил мир, добро и веселье.

Даже поставщики Волгского полка, в котором, до войны 14 г. служил Эльмурза, и вообще местные евреи гор. Хотина (Бессарабской губ.), где полк в мирное время долго стоял, за его сердечное и приветливое отношение к ним, с искренним восхищением говорили о нем: «Господин Мистулов это не человек, а золото — это что-нибудь особенного»; и когда ему иногда приходилось у них заимствовать деньги, и предлагать им расписку, они обижались и отказывались брать таковую. Вместе со всем этим Эльмурза был и блестящим строевым офицером. Великолепный фздук, он в совершенстве изучил лошадь, отлично владел оружием и, в довершение всего, он обладал и сравнительно редкой способностью быстро передавать свои познания подчиненным и товарищам-офицерам.

Э. А. Мистулов коренной офицер 1-го Волгского полка Терского каз. войска. В его рядах он начал службу и прослужил больше 20-ти лет, пройдя все стадии службы строевого офицера: младшего офицера, нач. учебной команды, ком. сотни и помощника ком. полка по строевой части; только перед самой войной 14 г. он разстался с родным ему полком, получив в командование 2-ой Сунженско-Владикавказский полк того же войска.

Но выходя на Великую войну командиром второчередного каз. полка, полковник Мистулов уже имел за собой блестящий боевой стаж, будучи добровольным участником в усмирении боксерского восстания в Китае и в японской войне.

В Японскую войну он сражался в рядах Терско-Кубанского полка, вначале в должности младшего офицера, а затем — командира сотни. В этот период Эльмурза

блестяще показал присущия ему боевые качества, создав славу, как полку в целом, так и себе лично. Получил все боевые награды обер-офицера, включительно до Георгиевского Креста. Доблестных подвигов за Эльмурзой в этом полку было много, лучшими могут служить два следующих эпизода. Первый: в Терско-Кубанский полк приехал повидать своих земляков — осетин генерал Хоранов (бывший сподвижник генерала Скобелева); полк в это время вел бой в пшем

Генерал Эльмурза Асланбекович Мистулов.

строю. Гость, сам лично храбрый, пренебрег опасностью и пошел к цепи по открытой местности в яркой конвойной форме (генерал раньше служил в Конвое Его Величества и ему пожалован был мундир Конвоя).

Японцы в это время открыли ураганный огонь и повели наступление в превосходных силах; стрелкам Терско-Куб. полка было приказано медленно отходить. Генерал Хоранов, представлявший хорошую цель в своей яркой конвойной форме, получает рану в грудь и падает; к нему подбегает Эльмурза, поднимает раненого и взваливает грузную тушу, на свои плечи и, на виду у противника, под сильнейшим огнем несет его, чтобы передать санитарам. Раненый генерал Хоранов на плечах Эльмурзы получает еще четыре раны (одна за другой — в мягких части) и просит его оставить, а самому уходить, дабы не подвергать себя опасности; но Эльмурза, верный традициям и адатам своих предков, пренебрегая опасностью, продолжает нести раненого, передает его санитарам и возвращается к цепям.

2-ой случай еще характернее: поручик князь Эльдаров (коренной офицер Сьверского драг. полка) со своим разъездом наткнулся на сопку, занятую японцами; противник, подпустив разъезд на близкое расстояние, открыл по нем огонь, и князь Эльдаров был убит наповал, а несколько всадников из разъезда были

ранены. Тело убитого офицера осталось шагах в 200-300 от этой сопки и вынести его было невозможно.

В это время со своей сотней проходил Эльмурза, которому чины разъезда сообщили, о происшедшем печальном случае. Не долго думая, он решает во что бы то ни стало вынести тело своего боевого товарища, вызвав охотников на самоотверженный подвиг и предварительно разъяснив принимаемую на себя рискованную задачу. Командование сотни Эльмурза передает своему младшему офицеру, которому, для отвлечения внимания противника, приказывает спешить сотню и открыть огонь по сопке, сам же с 25 храбрцами, воспользовавшись пересеченной местностью, заходит во фланг противника и стремительно атакует его в конном строю; врывается на сопку; завязывается жестокая рукопашная схватка. Противник (около полуроты) почти целиком был изрублен; у самого Эльмурзы на 10-м ударе, как было сказано в приказе Главнокомандующего, ломается рукоятка шашки и сам он получает три тяжелых ранения: одна пулевая, насквозь — в грудь, другая застряла в позвонке и третья — штыковая — в бок. Всадники тоже почти все были переранены, но все же, правда дорогой ценой, тело боевого товарища было вырвано и вынесено.

О своих подвигах Эльмурза никогда не поворил и не любил, когда кто-нибудь в его присутствии о них рассказывал. В Великую войну Эльмурза выступил в должности командира 2-го Сунженско-Владикавказского полка, в составе Терской дивизии, на австрийский фронт, на левом нашем фланге в Карпатах. Его полку поручались наиболее ответственные операции, которые он всегда с честью и успехом выполнял, скромно и коротко донося начальству о выполненной задаче и умалчивая при этом о тех трудностях, которые ему приходилось преодолевать. Со своим полком он много раз проникал в тылы противника. За время командования Сунженским полком он в боях получил несколько легких ран, которые сам перевязывал с помощью фельдшера, скрывая их от окружающих и оставаясь на своем посту. Весной 1916 года Эльмурза за боевые заслуги получает первоочередной 1-ый Кавказский полк Куб. каз. войска, в самый разгар боевых операций 1-го Кавказского корпуса (генерала Калитина). Со своим новым полком, он принимает деятельное участие в Мемохатунской и Эшзинжанской операциях.

28-го июня 1916 года Эльмурза со своим полком впереди головной сотни (1-ая сотня есаула Алферова) стремительно атакует в конном строю турок, занимавших гор. Мема Хатум. Турки не выдерживают лихой атаки кубанских казаков и поспешно, оставляя город, бегут в горы. 1-го июля того же года Эльмурза со своим полком совершает обход неприятельской позиции у горы Губак-Дали, чем облегчает наступление нашей пехоты (39

пѣх. дивизіи) и занятію ей этой важной позиціи. 8-го іюля совместно с 1-м Таманским полком Эльмурза во главѣ своего полка выбивает конной атакой турок из окопов у сел. Хайнк и Пекиси. 9-го іюля со своим полком у сел. Хан-Дараси отбрасывает противника и захватывает важный узел шоссеиных дорог, соединяющих города Эрзизинжан, Байбурти и Трапезунд. 11-го іюля в составѣ 1-ой бригады 5-ой кавк. каз. дивизіи, (1 Кавк. и 1-ый Таманскій полки), заходит в тыл противника на 30 верст и занимает узел шоссе Эрзизинжан — Сивае, благодаря чему Эрзизинжанская группа турок попадает к нам в плѣн.

Словом, за короткое время Эльмурза ведет свой полк от одной побѣды к другой. В началѣ января 1917 года Эльмурза за боевыя отличія был произведен в генералы и получил бригаду в корпусѣ ген. Баратова в Персіи. Послѣ февральской революціи вся русская армія разложилась, фронт рухнул, и в концѣ октября 1917-го года, Эльмурза с трудом и опасностью для жизни добрался к себѣ домой, в станицу Черноярскую, захватив с собой нѣсколько офицеров, которых и приютил у себя. В началѣ іюля 1918-го года казаки Моздокскаго отдѣла возстали против большевиков. В одно утро небольшая группа отважных офицеров и казаков ворвалась в гор. Моздок, гдѣ были расположены войсковыя части красных. Послѣ короткой, но жестокой схватки, большевики принуждены были спѣшно покинуть город и бѣжать в гор. Георгіевск (гнѣздо красных). Через день в гор. Моздокъ был создан круг, на котором рѣшено было изгнать красных из области, для чего мобилизовать все мужское население, способное носить оружіе. Командующим вооруженными силами единогласно был выбран генерал Мистулов. Несмотря на хаос царившій вездѣ, Эльмурза, с присущей ему самоотверженностью, отозвался на призыв казаков и сейчас же выѣхал на сборный пункт к станицѣ Приближной, гдѣ неорганизованная горсточка казаков вела бой с большевиками, занимавшими станицу и станицу Прохладную. По прибытіи на фронт, генерал Мистулов организовал небольшой Штаб, организовал воинскія части, назначив к ним начальников. Сдѣлав это, он сейчас же лично сам с вѣстовым выѣхал осмотрѣть неприятельскую позицію. Большевики открыли по нем огонь и одной из пуль Эльмурза был тяжело ранен в шею. Его, истекающаго кровью, без сознания внесли в станичную школу, гдѣ ему мѣстный фельдшер наскоро перевязал рану. Через нѣкоторое время Эльмурза очнулся и, придя в себя, вышел к казакам, которые было пали духом, и стал их подбадривать. Рана оказалась серьезной и опасной (около сонной артеріи), и генерал Мистулов в вагонѣ немедленно был отправлен в лазарет в гор. Моздок. Рана окончательно, еще не успѣла зажить, как Эльмурза опять возвращается на фронт.

Болѣе 4-х мѣсяцев казаки-терцы, истекая кровью, неся громадныя потери убитыми и ранеными, при отсутствіи медикаментов и в плохих санитарных условіях, терпя недостаток в патронах и снарядах, имѣя на весь растянутый фронт (от берегов р. Малки до Кизляра болѣе 100

верст) всего 8-10 юрудій, успѣшно вели борьбу, напрягая всѣ свои силы. С каждым днем скудные запасы патронов и снарядов уменьшались, а пополненіе их ни откуда не поступало. Наступили холода, появилась сильнѣйшая эпидемія тифа и маляріи. Фронт, и без того растянутый и жидкій, быстро стал таять.

Из-за отсутствія связи, с наступающей со стороны Кубани Добровольческой Арміей, казаки-терцы были лишены самой главной силы — моральной поддержки.

Окруженные сплошным кольцом красных (гор. Пятигорск, Георгіевск, Минер. Воды, Кизляр, Грозный и Владикавказ были прочно заняты красными), казаки, совершенно не знали, что дѣлается за предѣлами этого кольца.

Кромѣ этого, казакам приходилось еще вести борьбу с ингушами и чеченцами, которые в это время были на сторонѣ красных, так как им было обѣщано отдать каз. земли (Сунженскую линію).

Всѣ эти неблагоприятныя условія, окончательно подорвали физическія и духовныя силы казаков, и они потеряли сердце. Недочеты казаков хорошо были извѣстны красным тѣм болѣе, что среди казаков в это время были их сторонники (почти вся станица Государственная, ближайшая к гор. Георгіевску, была на их сторонѣ), и они в началѣ ноября со стороны Минеральных Вод, повели энергичное наступленіе большими силами на жидкія цѣпи казаков, при поддержкѣ большого количества орудій и пулеметов. В теченіе 3-х дней казаки с мужеством отбивали атаки красных, к которым безпрерывно прибывали свѣжія силы. Наконец, фронт казаков у станицы Новопавловской был прорван и казаки откатились назад к станицѣ Прохладной, а многіе разошлись по своим станицам. 7-го ноября (нов. ст.) генерал Мистулов у станицы Прохладной тщетно звал за собой остаток бойцов оказать сопротивленіе большевикам, но, утомленные и потерявшие сердце, казаки были глухи к его призыву.

Видя, что всѣ средства исчерпаны и, слѣдуя спартанским традиціям «Со щитом или на щитѣ», он вошел в станичное правленіе, а сопровождавших его полковника Кибирова и атамана станицы Прохладной хоруужаго Томаревскаго попросил поговорить по телефону со станицей. Оставшись наедине, он выстрѣлом из нагана покончил счеты с жизнью, предварительно написав короткую записку-обращеніе:

«Дзамбулат (осет. имя полк. Кибирова) и всѣ мужественные духом Терцы! Боритесь с нашим врагом; Бог даст, — будет помощь от Деникина. Тѣло мое отвезти прямо на кладбище и без всяких излишеств в возможно кратчайшій срок предать землѣ». Генерал Мистулов принадлежал к разряду тѣх рѣдких людей, которые стоят выше жизни и властно распоряжаются своей жизнью и смертью, как господин, а не раб.

Нам, живым друзьям и соратникам твоим, остается сказать: «Мир праху твоему, дорогой и доблестный рыцарь — Эльмурза; свѣтлую память о тебѣ мы сохраним навсегда».

Однополчанин.

САНС.

Послѣ скорострѣжной смерти Атамана Мѣстнаго Общеказач. хутора и Отдѣла Казач. Союза А. А. Ченцова, общими собраніем на его мѣсто избран Б. Е. Лепешкин. Mr. Lepechkin. Cité P. a M. S-t Clement (Yonne.).

СОШО.

12-го іюля, в Сошо в кафе Terminus, в 3 часа состоялось годовое Общее Собраніе Отдѣла Казачьяго Союза Востока Франціи, на котором, были заслушаны доклады о годовой дѣятельности Отдѣла.

Из доклада Предсѣдателя Правленія выяснилось, что жизнь Отдѣла в истекшем году протекала тихо и спокойно, без ненужных эксцесов, и главная дѣятельность его выражалась в оказаніи матеріальной помощи больным и нуждающимся его членам.

Перевыборы Правленія и Ревизионной Комиссіи выразились в слѣдующем: Предсѣдателем Правленія по общей настоятельной просьбѣ, согласился остаться на слѣдующій год Иван Данилович Журавлев. (Mr. Jouravleff, 3, rue du Pont. Sochaux (Doubs)). Секретарем Правленія вмѣсто М. П. Сабельникова, блестяще вѣдающаго дѣлами Отдѣла в теченіе пяти лѣт и нынѣ оказавшагося в состояніи подорваннаго здоровья, избран Т. О. Кандратьев. Членами Правленія: И. Я. Крюков и Д. Н. Назаренко. Казначеем — молодой и энергичный казак М. Вл. Лиховидов. В ревизионную Комиссію избраны: З. Н. Алексѣев, С. Н. Рязанцев и П. Г. Быков. Своим Предсѣдателем Ревизионная Комиссія избрала Б. Н. Алексѣева.

ТРИЕСТ.

25 сего іюля на сборѣ казаков Общеказачьей станицы в Триестѣ были произведены выборы новаго правленія станицы.

В правленіе вошли слѣдующія лица: Атаман Антон Георгіевич Рашиль-Чехов, куб. Писарь Владимір Михайлович Перегребенко, дон. Казначей: Николай Алексѣевич Дмитриев, куб. Члены Правленія: Валентин Алексѣевич Попов, дон., Владимір Филатович Заболотный, куб., Иван Павлович Каршавцев, куб., Кирилл Александрович Житлов, куб. Максим Александрович Спичников, дон., Николай Константин. Коновалов, дон., Василий Викторович Фирсов, куб., Григорій Андреевич Воеводин, дон.

Ревизионная комиссія: Предсѣдатель Евдоким Андреевич Гутов, куб. Члены Комиссіи: Максим Петрович Рогов, куб., Юрий Георгіевич Полковников, дон.

ХОР С. А. ЖАРОВА.

Послѣ бранной міровой казачьей славы платовских времен, спусту сто с лишним лѣт, новая міровая казачья слава, но уже мирная, музыкальная, культурная. Ея носитель — С. А. Жаров и созданный им казачій хор, которому исполнилось 30 лѣт. Желать ему успѣхов не приходится: они обезпечены; можно пожелать только добраго и долгаго здоровья его руководителю и вдохновителю и всѣм его сотрудникам, что и сдѣлал при свиданіи С. А. Жаровым в Парижѣ предсѣдатель Каз. Союза Н. Н. Туровѣров, гдѣ оба концерта хора прошли с подлинным триумфом.

ЛЕНЦ.

Кубанским Атаманом генералом В. Г. Науменко выпущенный уже 3-ій сборник матеріалов, относящихся к Лѣнцкой трагедіи. Всѣ свѣдѣнія, от кого бы они не исходили, цѣнны; накопленіе матеріалов необходимо, нельзя не приветствовать дѣлающих это.

Отвѣтственный редактор: Н. Н. ТУРОВѢРОВ.

Directeur: Alexandre Touveroff

Impr. de Navarre 11, rue des Cordeliers, Paris